

*Посвящается всем тем,
кому не хватает сил сдерживать
ярость и кто слишком устал
справляться с душевной болью*

Говорят, в день, когда Хаос потерпел поражение, пошел дождь.

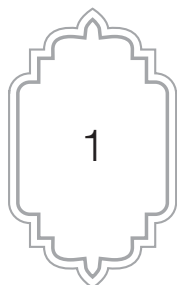
На землю обрушилась не легкая морось со слабым ветерком, а настоящий бурный ливень. Причиной падения стали его дети: их поверженные бранные тела были втоптаны в северную грязь. Отступая, он издал крик, от которого содрогнулись горы. Этот крик вознесся над миром и проник во все города, в каждую щель, затаившись в проблесках света.

Терпение, возлюбленная Хаоса, лишь с грустью наблюдала за его уходом. И хотя сердца обоих переполняла жажда мести, она не спешила к нему. Только ждала, потому что знала: у каждой войны есть конец и за каждым грехом следует наказание.

Да, Хаос вспыльчив. Но Терпение...

О, Терпение точно знает, когда следует нанести удар.

**«Святые и жертвоприношение»,
псалом 266**

Леонцио

С наступлением полуночи его охватила паранойя. Леонцио мерил комнату шагами; сердце бешено стучало в груди, вызывая странное чувство. Кожей он остро ощущал холодный воздух. Язык, от сухости прилипший к небу, как-то неловко ворочался за зубами.

Не в силах больше терпеть, он подошел к двери, распахнул ее и выглянул в коридор. Перед ним словно распростерлась бесконечность, буквально через пару шагов тело поглотила гнетущая темнота.

Стражник, который должен был стоять за дверью, исчез.

И все же последователь не смог заставить себя выйти из комнаты, не желая бродить по темному Палаццо.

У дворца имелись глаза. И Леонцио всю неделю чувствовал тяжесть их взгляда на себе: сначала там, где молился святым, а потом в залах совета, где встречался с остальными представителями священных гильдий. Они следили за каждым его шагом, и даже сияние звезд не могло их отпугнуть.

Как только он вернулся в комнату, досадливая мысль принялась терзать его разум. Чем он занимался до того, как им овладел страх? Искал главного магистрата — точно! Ему требовалось сообщить этому человеку нечто крайне важное. Но *что?*

Леонцио смахнул рукой пот со лба. Зажженная свеча отбрасывала на стены косые тени, чьи мягкие линии изгибались, когда пламя дрожало на ветру из приоткрытого окна. Он, пошатываясь, прошел в другой конец комнаты и распахнул створку шире. Пока ветер ласково обдувал его лицо, он глядел на раскинувшиеся внизу сады, окутанные ночью.

Чьи-то глаза уставились на него в ответ.

Пульс мгновенно подскочил, последователь отпрянул от окна и поспешно задернул штору. *Снаружи* что-то было. Нечто ужасное и нечеловеческое бродило по территории Палаццо. Он не видел этого, но ощущал какую-то неправильность, ее вязкая тяжесть все сильнее сдавливала ему горло.

Он переплел скользкие от пота пальцы, бормоча молитву святому покровителю Смерти. *Его* святому. От него произошла его семья, благословленная даром магии. Однако сегодня эти пылкие мольбы приносили мало утешения: чем больше он сомневался в силе Смерти, тем меньше ощущал присутствие святого.

«*Помоги мне*», — такова была главная его просьба, но становилось только жарче и хуже. «*Наверное, для защиты одних слов недостаточно*», — подумал последователь. Внезапно с подступившей тошнотой им овладел порыв, решительный и неумолимый. И он поддался. Ведь он был всего лишь сторонним наблюдателем, двумя глазами в темнице плоти.

Зрение начало затуманиваться, и он поплелся в соседнюю комнату, опираясь о стену. Леонцио представил, как его ладони оставляют отпечатки на позолоченной краске — эти рыжевато-малиновые мазки привлекут к нему святых. Словно они больше не божества, а захлебывающиеся слюной звери, что рыщут в поисках свежей добычи.

Святые милосердны. Так, во всяком случае, говорилось во всех преданиях.

Но еще в них говорилось о том, что святые жаждут крови.

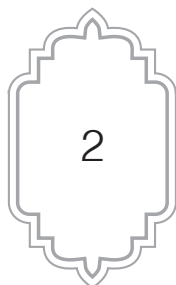
Леонцио рухнул на колени рядом с кучей разномастного мусора, который собрал на территории Палаццо. Он не до конца понимал, когда и почему начал набивать карманы камнями и, подобно обезумевшим садовым ножницам, обрывать ветви с кустов. Ему просто казалось это... необходимым.

Когда с дрожащими руками он опустил на пол, мусор под его весом приобрел другую форму. Каменная поверхность под коленями вселяла спокойствие. Раскладывая деревянные палочки, последователь обращался шепотом не только к Смерти, но и ко всем близким святым.

А затем он поднял нож.

Как только упали первые капли крови, наступило облегчение. Абсолютный страх уступил место желанному покою.

К тому времени, когда он осознал, что умирает, было уже слишком поздно.

Дамиан

Дамиан Вентури устал от смерти. По правде говоря, он устал от всего. Ночные сумерки давно приблизились к рассвету, и ему становилось все труднее удерживать внимание на мертвом теле последователя, распластавшемся перед ним. Он поправил воротник форменного мундира Палаццо в надежде ослабить давление, нараставшее в горле.

Весь вид Леонцио Бьянки, бывшего последователя Смерти, говорил о том, что его отравили. На мертвенно-бледных губах блестел слой отвратительной пены, на предплечьях резко выделялись вздувшиеся, похожие на синяки вены. Несмотря на это, выражение его лица казалось безмятежным, изгиб рта — мягким, будто он безропотно отдался на милость смерти.

Дамиан, еле сдерживая дрожь, отстранился от тела Леонцио. В спальне последователя стоял холод, тусклое мерцание свечи отбрасывало тени на позолоченные стены. Возможно, все дело в обстановке, но было что-то гнетущее в темноте, сгустившейся по краям этого оран-

жевого свечения. Что-то тревожное ощущалось в том, как голова Леонцио была повернута лицом к зеркалу на другом конце комнаты, отражаясь в нем.

— Ну что?

Голос главного магистрата прервал осмотр Дамиана: от испуга он заметно отшатнулся от кровати. На его лбу выступил пот. Смерть неизменно возвращала его во времена, проведенные на войне. Грудь тут же сдавило, кровь вскипела в жилах, а ноги налились свинцом, словно он волочил их по грязи.

— Не знаю, — ответил Дамиан, поворачиваясь лицом к главному магистрату. Он говорил отрывисто, но вежливо. Ярость магистрата буквально витала в воздухе: Дамиан почувствовал ее в тот самый миг, когда мужчина вошел в комнату. — Могло ли это быть самоубийством?

Главный магистрат Форте, последователь Изящества, высокий человек с безупречно зачесанными волосами и тонкими усами, взглянул на Дамиана поверх очков. Форте занимал должность, на которую был избран представителями гильдии на смену его предшественнику, чуть больше года. Не так уж часто подобную роль исполнял один из последователей Изящества, поэтому Дамиан задавался вопросом: не этот ли опыт сделал Форте таким жестоким и бескомпромиссным человеком, каким он видел его сейчас перед собой?

— Самоубийство? — Форте насмешливо повторил озвученное предположение, ощупывая руками одежду и простыни покойника в поисках какой-нибудь подсказки. Последователи Изящества обладали особой связью с такими вещами: именно это умение делало их превосходными ткачами, способными создать из ткани что угодно: от брюк до гобеленов, не прибегая

к нитке и иголке. — Это было бы очень удобно для вас, синьор Вентури.

— Прошу прощения? — невольно сорвалось с языка Дамиана. Будучи главным магистратом, Форте считался земным гласом святых, однако это звание не наделяло его особой тактичностью. Дамиан вернулся в Омбразию всего год назад и точно успел в этом убедиться.

— Будь это добровольный уход, — продолжил Форте, — это не значило бы, что стража Палаццо не справилась с защитой высокопоставленного государственного чиновника.

Произнося эти слова, он не смотрел на Дамиана. Главный магистрат отстранился от кровати, а между его кустистыми бровями пролегла хмурая складка.

— Леонцио определенно умер в этой одежде, в остальном же ничего необычного в ней нет. — Взмахом руки простыни расправились и накрыли тело последователя.

Дамиан обрадовался, что ему больше не придется смотреть на мертвеца, однако его облегчение испарилось с последующими словами Форте:

— Кстати о страже Палаццо. Где ты находился прошлой ночью, Вентури? Разве в твои полномочия не входит предотвращать подобные происшествия?

В душе Дамиана вспыхнуло недовольство, но он стиснул зубы в попытке сдержать рвущийся наружу ответ.

— Приношу свои извинения, *mio signore**. Я был в Меркато.

---

* *Mio signore (итал.)* — мой синьор.

Еженедельный городской рынок, работавший по ночам, давал последователям возможность продавать и обменивать товары. Четыре гильдии, занимавшиеся ремеслами, — Сила, Изящество, Терпение и Хитрость — являлись основой экономики Омбразии и причиной, почему та считалась центром торговли. Склонность Изящества к тканям дополняла склонность Силы к камням, Терпения — к металлам, и Хитрости — к химикатам. Поэтому их основной функцией было изготовление оружия, текстиля, изделий из камня и всевозможных эликсиров для отправки в другие земли.

Все последователи представляли собой потомков первых святых, но не все из них обладали магией. Иногда, как рассказывал Дамиану отец, предпочитаемые ими способности проявлялись у них через поколение или вовсе исчезали, когда родословная излишне разбавлялась.

Потомки без магии — такие люди, как Дамиан, — не являлись последователями. Они были немногим лучше остальных заурядных граждан.

Вот почему выполнение функций стражи — единственный для Дамиана способ попасть в Меркато. Производимые товары не предназначены для людей вроде него. Тем, кому нечего предложить обществу, невозможно примкнуть к последователям. В случае если кто-то из заурядных жителей решал нарушить это правило, стражники тут же выпроваживали его. Лишь благодаря своей деятельности Дамиан имел шанс приблизиться к той жизни, которая могла бы быть у него.

Однако он и Форте прекрасно знали, что ему, как начальнику стражи Палаццо, следовало делегировать свои обязанности. Когда он не совершал обход храмов, его работа заключалась в том, чтобы находиться *здесь*,

в самом Палаццо. А наиважнейшей задачей было защищать последователей, выбранных представлять свою гильдию.

— Ты был в Меркато, — вкрадчивым голосом повторил Форте слова Дамиана. — Разве ты вчера не совершал обход храмов?

— Нет, — признался он, поморщившись. — Я думал...

— Нет, Вентури, — прервал его главный магистрат. — Ты *не думал*. И это совершенно очевидно. — С каждым словом он приближался к Дамиану на шаг, тыча пальцем в его грудь. — Гильдии доверяют нам защиту своих представителей. А я доверяю *тебе* Палаццо как самое безопасное место в Омбразии. И тем не менее в ночь, когда один из наших последователей оказывается мертв, ты развлекаешься в Меркато?

Дамиан сглотнул, протесты готовы были сорваться с его языка. Ему хотелось возразить, сказать, что он отнюдь не *развлекался* там, но месяцы службы показали: это ничего не изменит.

— Mio signore, уверяю вас, ни один человек не смог бы проникнуть в комнату последователя без ведома моих офицеров. К тому же, — он указал подбородком на тело, — у него отсутствуют какие-либо повреждения. Либо что-то вызвало внезапную аневризму, либо его отравили. Поверьте, мы очень тщательно следим за тем, кто входит и выходит из Палаццо.

Ноздри главного магистрата раздулись.

— По всей видимости, не очень тщательно.

Дамиану нечего было ответить. В Омбразии за короткий промежуток времени произошли уже две необъяснимые смерти: первой погибла молодая девушка, вторым — юноша примерно одного возраста с Дамианом. Их тела доставили в городской морг, а Форте даже

не удосужился назначить офицеров для расследования. *«Заурядные постоянно враждуют между собой»*, — сказал тогда он. А потому не имело значения, двумя больше или меньше.

Однако на этот раз все было иначе. Последователи Смерти выбрали Леонцио Бьянки, чтобы тот представлял их интересы в Палаццо. Его внезапная кончина напугает и разгневет людей.

— Как-то слишком удобно, — прорычал Форте. — Избрать мишенью представителя Смерти, чтобы никто не смог «прочитать» тело?

Дамиан невольно кивнул. Ему приходила в голову та же мысль. Последователь Смерти, обладавший способностью вступать в контакт с умершими до того, как душа покинет тело, мог бы выяснить, что случилось с Леонцио.

Но, учитывая, что Леонцио и был тем самым последователем Смерти в Палаццо, им, скорее всего, не повезло. Души, как правило, надолго не задерживались в телах.

— Я приведу кого-нибудь, — заверил Дамиан главного магистрата. — На всякий случай.

Все еще сомневаясь, Форте провел ладонью по лбу.

— Разберись с этим, Вентури. Мы не сможем скрывать произошедшее от общественности, поэтому нам нужно как можно скорее получить все ответы. А то я уже начинаю подумывать, не совершил ли мой генерал ошибку, назначив своего сына начальником стражи. — Он достал из кармана серебряные часы, как будто ему срочно нужно было попасть в какое-то очень важное место посреди ночи. — Я позволил Баттисте вернуть тебя с севера и могу с такой же легкостью отправить обратно.